

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПЕРЕХОДНОГО ОБЩЕСТВА: ПРОЦЕСС ТРАНСФОРМАЦИИ

Хотя проблема социальной структуры нашего общества традиционно находилась в центре внимания советской социологии, результаты этих исследований во многом определялись влиянием официальной идеологии. Это затрудняло понимание объективных процессов, происходивших в социальной жизни советского общества, создавая искаженное представление о его облике, проблемах и путях их решения.

Западные теории социальной стратификации долго не принимались в расчет. Только в последнее десятилетие появилась возможность объективного и беспристрастного анализа этих проблем. В первую очередь, перед отечественной наукой встал вопрос о том, в рамках какой из сложившихся теоретических традиций могут быть реалистично поняты наше недавнее прошлое и происходящие сегодня социальные сдвиги. Рассмотрим концептуальные подходы, оказавшие наибольшее воздействие на становление социологического анализа социальных структур трансформирующихся восточнославянских обществ.

КЛАССОВЫЙ ПОДХОД К СТРАТИФИКАЦИИ

Перемены в характере общественных отношений, произошедшие в последнее десятилетие, привели к существенным сдвигам в социально-классовой структуре нашего социума. За прошедшее десятилетие претерпели изменения многие параметры социальной организации постсоветских обществ.

* Термин **стратификация** (от лат. *strata* – слой и *facere* – делать, разделять, расчленять на слои) пришел из геологии, где он обозначает расположение пластов земли по вертикали. Социальная стратификация означает такую дифференциацию общества, которая принимает форму социальной иерархии – вертикальной дифференциации населения на неравные по своему общественному положению группы и слои.

Эти изменения вызваны развитием рынка, дифференциацией собственности, развитием действительно классовых отношений и связей.

Например, в России, которая, по сравнению с нашей республикой, далее продвинулась по пути к рыночной экономике, доминирующей формой собственности уже стала частная, на долю которой приходится 68%, удельный вес государственной собственности – 9,3% [1, с. 78 – 79]. Учитывая эти моменты, социологи обращают внимание на возрастающее значение классового подхода к анализу социальной стратификации в постсоветских обществах. Согласно Марксу, заложившему основы классовой стратификации, классы – это такие группы людей, которые возникают именно на основе различающихся позиций в системе общественного производства.

Процесс формирования новых социальных структур, в основе которых лежат базовые изменения форм собственности, идет в постсоветских обществах тремя путями.

Первый путь – возникновение новых социальных общностей на основе **плюрализации форм собственности**. В результате появляются различные слои наемных работников и инженерно-технические работники, занятые в полугосударственном и частном секторах экономики по трудовым соглашениям или постоянно по договорам найма, работники смешанных предприятий и организаций с участием иностранного капитала и т.д.

Второй путь – **трансформация государственной формы собственности** и изменение на этой основе положения традиционных классово-групповых общностей (изменяется их количественно-качественная характеристика, границы, появляются пограничные маргинальные слои и т.д.).

Третий путь – появление новых слоев-страт, возникающих на основе **взаимодействия различных форм собственности** (новая элита, новые управленческие слои – менеджеры, средние слои, безработные и т.д.).

Становление новых элементов социальной структуры в постсоветских обществах оказалось более сложным и противоречивым процессом, чем это казалось ранее. Складывающаяся социальная структура представляет собой результат наложения друг на друга двух стратификационных моделей: прежней статусно-престижной и новой – формирующейся по мере становления рыночной системы хозяйства. Поэтому в переходном обществе не могут не сочетаться компоненты, характерные как для классического советского общества, так и элементы, связанные со становлением рыночной системы хозяйства.

Основы социальной структуры постсоветских обществ составляют, с одной стороны, **социальные слои, группы и классы советского общества** – рабочий класс, крестьянство, интеллигенция (хотя их социальная роль и количественные показатели изменились). С другой стороны, формируются **новые социальные группы** – новая буржуазия, новая бюрократия, предприниматели, менеджеры, свободные профессионалы, "челноки", наемные работники в частном секторе, безработные, паразитические криминальные элементы и др. Все эти социальные группы существуют одновременно, как переплетаясь, так и взаимооппонируя друг другу, что затрудняет объяснение процессов социальной трансформации в переходном обществе.

В современной науке классовая традиция стратификации основывается не только на марксистской теории, но и социологии Макса Вебера. Синтезом теоретических концепций этих двух великих немецких социологов XIX века стала классовая схема Д. Голдторпа и Р. Эриксона, которая в настоящее время многими социологами считается наиболее убедительной [2, с.76]. Эта схема классовой стратификации основана на критериях отношения собственности

(найма), условия найма (служба или трудовой контракт), степени автономности и возможности продвижения по службе. В соответствии с этой методологией выделяются:

1. • профессионалы, руководители, интеллигенция высшего уровня;
 - крупные работодатели: промышленники, предприниматели, землевладельцы.
2. Профессионалы, руководители, интеллигенция среднего уровня.
3. • Полупрофессионалы;
 - работники офисов, торговли, сферы обслуживания нижнего уровня.
4. • Мелкие работодатели в промышленности, сфере услуг;
 - мелкие работодатели в сельском хозяйстве;
 - самозанятые в промышленности, сфере услуг;
 - самозанятые в сельском хозяйстве.
5. Техники, старшие рабочие (бригадиры и т.д.).
6. Квалифицированные рабочие в промышленности.
7. • Неквалифицированные рабочие в промышленности;
 - сельскохозяйственные рабочие.

Эти новые социальные группы в постсоветском обществе пока находятся на различных уровнях своего "созревания". Границы между ними остаются размытыми и неустойчивыми. Именно поэтому вопрос о социальных отношениях в условиях трансформирующегося общества является одним из самых дискуссионных. Интенсивные социоструктурные изменения, происходящие в бывших советских обществах в результате процессов социальной трансформации, трудно поддаются реалистичному теоретическому объяснению.

Следует, безусловно, иметь в виду то, что в постсоветских обществах развиваются процессы, ведущие к формированию действительно классовых отношений и классовой структуры. Поэтому, очевидно, в перспективе может возрасти значение марксистского концептуального подхода к анализу социальной стратификации в нашем обществе. Однако в условиях переходного состояния общественных структур социологи стремятся подойти к анализу изменений в социальных отношениях между людьми с позиций различных теоретических традиций. Особенно активно при исследовании процессов социальной стратификации используется теоретическое наследие М. Вебера, П. Сорокина и американской школы структурного функционализма.

МНОГОФАКТОРНЫЙ ПОДХОД К СТРАТИФИКАЦИИ

Определенное значение для анализа социальной стратификации в нашем обществе имеет концепция П.Сорокина, прежде всего, его методология эмпирического измерения уровней социальной стратификации и процессов социальной мобильности.

В теоретическом наследии П.Сорокина отечественных социологов привлекает разработанный им многомерный подход к анализу социальной стратификации общества. В исследованиях социальной структуры постсоветского общества в настоящее время преобладают стратификационные модели, основанные на многомерном иерархическом подходе с использованием таких критериев, как имущественное положение, доход, образование, позиция во властной структуре, социальный статус и самоидентификация.

Дело в том, что в трансформирующемся обществе, в условиях, когда существуют, например, массовое уклонение от уплаты налогов с дополнительных заработков или низкие зарплаты на престижных государственных должностях и т.д., утрачивают свою значимость традиционные критерии социальной

стратификации. Поэтому только сложная комбинация объективных и субъективных (социально-психологических) критериев стратификации может охарактеризовать систему координат нового социального пространства, возникающего в наших обществах.

Отечественные социологи признают возможность использования методологии П.Сорокина для измерения уровней складывающейся в постсоветском обществе стратификации, но считают необходимым несколько изменить введенные П.Сорокиным параметры замеров социальной стратификации. Например, применительно к современным условиям постсоветского общества, предлагаются следующие измерения основных уровней социальной стратификации:

– **экономический** – доход, т.е. сумма средств в денежном выражении, получаемая за год, квартал, месяц; отношение к собственности, в том числе на средства производства (наемный работник, арендатор, владелец контрольного пакета акций, полный собственник); роль в организации труда, т.е. в системе разделения труда в процессе производства и распределения материальных благ (управляющий – исполнитель);

– **политический** – ранг государственной иерархии (от рядового избирателя до главы государства), характеризующий степень постоянства и силы влияния субъекта на принятие решений политического характера; партийная принадлежность, понимаемая как принадлежность практически к любой политической организации, степень влияния данной "партии" в социуме (правящая и оппозиционная партия, коалиция, фронт, группировка и т.д.); ранг партийной иерархии, т.е. уровень престижа индивида в рамках своей партии (рядовой член, партийный лидер, функционер);

– **профессиональный** – образование (количество лет, потраченное на его получение, его "качество" – от начального образования до докторантуры); квалификация, т.е. официально признанная степень мастерства (квалификационный разряд, классность, ученая степень и т.д.); ранг профессии, т.е. престиж конкретной профессиональной деятельности в данном социуме для данного времени.

Вместе с тем, в исследованиях отечественных социологов отмечается, что социальное пространство постсоветских обществ в современных условиях определяется фактически одним показателем, а именно: материальным (капитал, доход, собственность). Произошло резкое снижение значения других критериев социальной дифференциации – образования, квалификации. Наблюдается "размытие" прежних границ классов, социальных групп и слоев в результате ослабления зависимости между трудом и его оплатой. Идет перераспределение собственности, капитала и труда в более "денежные" отрасли. Личные доходы обусловлены не столько результатами труда, сколько сферой его приложения. Не важно – Кто и Как работает, главное – Где.

В зависимости от уровня материального благосостояния социологами выделяются следующие социальные слои:

➤ **богатые** – средства позволяют не только удовлетворить свои потребности, но и реализовывать собственную экономическую деятельность;

➤ **состоятельные** – средства позволяют обеспечивать не только высокий уровень жизни, но и приумножать капитал;

➤ **обеспеченные** – имеют достаточные средства (включая использование кредита) для обновления предметов длительного пользования, улучшения

жилищных условий, собственного переобучения и образования детей, организации отдыха во время отпуска;

➤ **малообеспеченные** – средств хватает лишь на повседневные расходы, и, в случае крайней необходимости, минимум средств выделяется на медицинские цели;

➤ **неимущие** – обладают минимальными средствами, которые необходимы для поддержания жизни, и отсутствуют средства для улучшения своего существования.

СТАТУСНАЯ МОДЕЛЬ СТРАТИФИКАЦИИ

Структурно-функциональное направление исследований социальной структуры постсоветского общества (статусная модель стратификации) также представлено в работах отечественных социологов. Ее основные понятия: **высший класс, средний класс, низший класс** (маргинальные слои). На статусную модель стратификации сегодня наиболее часто ссылаются. Однако высказывается и такое мнение, что она нуждается в существенной корректировке, т.к. использование методики структурного функционализма для анализа социальных отношений постсоветского общества наталкивается на определенные сложности.

В нашем обществе социальные слои, близкие по своей социальной характеристике западному среднему классу, резко отличаются от него по своему социальному положению и, в свою очередь, распадаются на несколько групп. Например, в докладе, подготовленном группой ученых Института экономики Российской академии наук, отмечается, что **в настоящее время среднего класса в классическом его понимании в России нет** (хотя она, по сравнению с нашей республикой, значительно дальше продвинулась по пути рыночных реформ).

В городах существует прослойка представителей мелкого бизнеса, которую только условно можно отнести к среднему классу, т.к. она не имеет существенной собственности и не способна оказывать реального влияния на экономическое и политическое положение общества [3, с.11]. А тот социальный слой (инженерно-технические, научные работники, врачи, профессора и т.д.), который в массовом сознании общества ассоциируется со средним классом, обладает высокой квалификацией, является основным носителем человеческого капитала и мог бы стать опорой экономических преобразований, перешел сегодня в массовый слой бедняков.

Лишенный наиболее важных социальных гарантий и находящийся близко к зоне социального риска, этот слой свои главные усилия направляет на поиск путей выживания. Социологи отмечают, что в процессе российских реформ "потерялся" **средний класс интеллектуалов и интеллигенции** (новый средний класс) и общество получило **средний класс предпринимателей** (старый средний класс). Таким образом, если классический средний класс западного общества является источником его стабильности, то в условиях постсоветских обществ многие потенциальные представители этих социальных слоев находятся около или за чертой бедности, т.е. фактически стали "маргиналами по потреблению" и социальной базой нестабильности этих обществ.

В 90-е годы в постсоветских обществах произошло торможение каналов восходящей мобильности. Как отмечают российские социологи, в ходе реформ здесь оказались выкинутыми за борт те, кто своим трудом и проявлением предпринимательской инициативы мог "встроиться" в новую систему хозяйствования, занять в ней нишу среднего класса. Главной жертвой

российских реформ стали представители массовой интеллигенции (инженерно-технические и научные работники, врачи, учителя, работники культуры и т.д.), которых социологи включают ныне в состав "новых бедных". Между тем, процессы восходящей социальной мобильности имеют серьезное значение для стабилизации общества. Именно свободные каналы восходящей вертикальной мобильности и ясные перспективы социального роста, базой которого выступают образование и уровень квалификации, должны открыть возможность подъема способных и амбициозных людей по социальной "лестнице" и обеспечить их доступ к позициям элиты.

Отличительной чертой социальных отношений в наших обществах является **высокий уровень социальной поляризации населения**, что также отличает их от западных стран. Социологи считают, что определяющей тенденцией трансформации социальных структур постсоветских обществ стало **углубление социального неравенства** по всем показателям (экономическим, политическим, социальным) и **маргинализация** значительной части населения. По данным белорусских социологов, в нашем обществе на конец 1996 г. доходы 10% самых богатых и 10% самых бедных групп населения определялись соотношением 22:1. В Беларуси на конец 1996 г. доля населения, живущего на пороге бедности, составила 38% [4, с.77]. В развитых индустриальных странах этот коэффициент значительно ниже. Разрыв в доходах этих групп населения во второй половине 90-х гг. составлял в Западной Европе – 5-6, в США – около 11 раз.

В мировой практике предельно критическим считается соотношение в доходах порядка 10:1. Если разрыв в доходах выходит за эти параметры, то начинает усиливаться антагонизация социальной структуры, противопоставление людей по имущественному и социальному положению. По данным ряда российских исследовательских групп, стратификационная пирамида в российском обществе, значительно опередившем нашу республику по темпам приватизации, имеет следующие контуры.

Верхняя группа в российском обществе составляет до 5-8 % населения. Она сосредоточила в своих руках основной экономический капитал и связана с властными структурами. К этому слою относят: а) политическую и экономическую правящую элиту (до 0,5%); б) крупных и средних предпринимателей, директоров приватизированных предприятий (до 6% населения). Эта группа населения имеет доход не менее 15 тысяч долларов в месяц, а 1% семей этого нового слоя обладает годовым доходом свыше 400 тысяч долларов.

Средний класс (20%) включает в себя представителей мелкого бизнеса, квалифицированных профессионалов, среднее звено управленцев, офицеров.

Базовый слой, охватывающий значительную часть населения (60-65%), – рядовые специалисты, помощники специалистов, рабочие, крестьяне, работники торговли и сервиса.

Нижний слой (7-12% населения) – представлен социально незащищенными слоями населения, находящимися в зоне риска (малоквалифицированные и неквалифицированные работники, временно безработные). **Социальное "дно"** общества – это 7-9% люмпенизированных, десоциализированных граждан [1, с. 82; 3, с. 11 – 12].

Таким образом, социальная структура постсоветских обществ выглядит скорее как **"придавленный к основанию треугольник"** в отличие от **"социального ромба"** (или "лимона") в развитых индустриальных странах (средний класс здесь составляет более 60% населения). Следует учитывать и то, что столь резкая поляризация, спустя всего пять лет после начала

радикальных политических и экономических преобразований, сложилась в обществах, где высокая степень эгалитаризма стала социальной традицией. При переходе к рынку дифференциация населения неизбежна, но если она переходит за определенную грань, то становится фактором социальной дестабилизации.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС И ПРЕСТИЖ

Можно обратить внимание и на другие моменты, не позволяющие в полной мере применять западную методологию структурного функционализма к анализу социальных отношений в постсоветском регионе.

В условиях развития рынка в специфической "дикой" форме шкала доходов и шкала престижа могут существенно расходиться. Например, коммерсанты, даже мелкие, в наших обществах получают зримые материальные преимущества перед работниками квалифицированного труда. Типичным стал случай несоответствия статуса и оценки, когда, например, ряд специалистов с высоким уровнем образования получает низкую зарплату (врачи, преподаватели вузов, учителя).

Социальные сдвиги, произошедшие в наших обществах уже к сер. 90-х годов, создали такую специфическую ситуацию социальных отношений, когда профессиональные группы и социальные классы как бы отходят в тень. С помощью традиционных методик часто бывает трудно и даже невозможно обнаружить профессионально-трудовые характеристики субъектов, а с позиций марксизма и неомарксистских концепций, именно этот аспект стратификации всегда имел важное значение.

Например, какова трудовая позиция провинциального университетского профессора, вынужденного тратить свое свободное время на выращивание картошки и разведение кур для того, чтобы сводить концы с концами? Или у хирурга престижной клиники, которому задерживают выплату зарплаты, и потому ему не хватает денег для удовлетворения самых элементарных нужд его семьи? Или у его сына, студента-заочника, который зарабатывает в десять раз больше своего отца, торгуя заморскими фруктами на улице и поддерживая тем самым семью? Или, наконец, у формально безработного мультимиллионера, скрывающего свои доходы от налоговой инспекции?

Эти явления нетипичны для сложившихся индустриальных систем, но в условиях переходных процессов подобные ситуации стали массовыми, и они не вписываются в традиционные теоретические схемы социологов.

Именно в силу вышеизложенных обстоятельств многие исследователи считают, что более глубоко проникнуть в процессы трансформации социальной структуры постсоветских обществ позволяет методология, разработанная М. Вебером. Суть ее состоит в концентрации внимания на социальной стратификации, основанной на статусе и престиже и связанных с этим различиях.

Специфика концептуального подхода М. Вебера состояла в том, что, абстрагируясь от функционирования социальной структуры в ее целостности, он сосредотачивал основное внимание на деятельности (поведении) людей. В конечном счете, именно деятельность социальных агентов и создает качественно новые структуры. Причем в концепции М. Вебера социальная стратификация рассматривается как результат неуравновешенного распределения жизненных шансов в результате действий социальных агентов на рынках.

Современные последователи М. Вебера, особенно много их среди экономистов, убеждены, что исследовать тенденции социальных изменений в нашем обществе можно лишь посредством обращения к обыденной, каждодневной

деятельности людей, пытающихся справиться с меняющимися обстоятельствами жизни и приспособиться к ним. Именно в деятельности индивидуальных субъектов, считают они, просматриваются контуры будущей структуры общества. Такой подход дает возможность получения эмпирической информации именно в условиях переходного общества, когда общественные структуры предстают скорее как процесс, нежели состояние.

В качестве примера можно привести исследования Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН, проведенные во второй половине 90-х годов, совместно с Академией наук Финляндии. Аналогичные исследования проводились белорусскими социологами в Минске. При рассмотрении возможных структурных сдвигов в постсоветском обществе ученые предложили сосредоточить внимание на стратегии экономической деятельности и поведения индивидуальных домашних хозяйств – домохозяйств (семей и их членов) [5, с. 72 – 75].

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД К СТРАТИФИКАЦИИ

В условиях радикальных структурных перемен стратегии экономического поведения семей, пытающихся адаптироваться к изменяющимся условиям, свидетельствуют о различиях в их жизненных шансах. В зависимости от набора ресурсов, значимых в рыночной экономике (деньги, способность к труду, профессия, квалификация, социальные связи, жилье, дача, земельный участок, накопленное имущество), исследователями были выделены три типа домохозяйств.

Первый тип домохозяйств – семьи, которые характеризуются наличием относительно большого набора ресурсов, значимых в рыночной экономике, но они стремятся разделить их в целях сокращения риска между рыночным и нерыночным секторами экономики (последний – это бюджетные организации с невысоким уровнем оплаты, где, как правило, работает жена).

Такая стратегия предоставляет возможность этим семьям подняться над уровнем бедности и обеспечить потребление, типичное для среднего класса высокоразвитых индустриальных стран. В то же время оно значительно отличается от потребления элитных слоев. Домашний труд или труд на даче для таких семей все более приобретает характер отдыха или развлечения. Представители этого типа семей активно стремятся к накоплению ценных на рынке профессиональных ресурсов (приобретают новые профессии, повышают квалификацию и изучают иностранные языки). Социологи считают, что эти семьи представляют формирующийся **новый средний класс**, который находится между слоем сверхбогатых "новых русских" и остальной частью общества, занявшей по отношению к рынку оборонительную позицию.

Второй тип домохозяйств – семьи, жизненные шансы и благосостояние которых изначально не зависят от доходов, которые могут быть получены в рыночной экономике (даже и в том случае, если имеют место случайные подработки). Члены таких семей, как правило, имеют постоянную работу во вне-рыночном секторе экономики. Дополнительные средства, которые им нужны, чтобы подняться над уровнем бедности, "добываются" в домашней экономике при уменьшении рыночных расходов до минимума. Определяющее значение для дохода этих семей имеют продукты, выращенные на даче, или предметы потребления, сделанные своими руками.

Эти семьи реализуют активность в рамках стандартов традиционного поведения, поэтому их рассматривают как представителей **"бывшего среднего класса"**. Они обладают достаточно большими ресурсами, которые, однако, не имеют значительной ценности в рыночной экономике. Распределяя их главным

образом между нерыночным сектором и домашним хозяйством, "бывший средний класс" заметно отличается от рыночно-ориентированного "нового среднего класса" именно своей недоверчиво-оборонительной стратегией по отношению к рынку.

Третий тип домохозяйств ("пролетарии") – семьи с крайне низкой величиной располагаемых ресурсов, которые можно было бы вложить как в рыночную, так и в домашнюю экономику. Подавляющая часть семейных активов здесь направляется в нерыночный сектор, однако доходы, извлекаемые из него, не могут покрыть необходимые расходы даже на минимальном уровне. Для этих семей характерна бедность и хроническое недопотребление.

Представители этого большого социального слоя не принадлежат к типичным для высокоразвитых стран группам риска, т.е. подавляющая часть этой группы не является ни хроническими алкоголиками, ни людьми с психическими отклонениями, ни бездомными. Вместе с тем, в условиях структурной трансформации, этим семьям не гарантированы даже минимальные стандарты жизни. Исследования, проведенные белорусскими социологами с целью изучения структуры домохозяйств в Минске, показали, что самыми бедными в республике являются семьи с детьми до 16 лет, низкооплачиваемое трудоспособное население и безработные [6, с. 82].

Таким образом, широко используемая российскими и белорусскими социологами методология исследования в рамках традиции, заложенной М. Вебером, позволяет увидеть внутри аморфных структур переходного общества новые социальные слои, или "социальные классы" (по Веберу), которые стремительно расходятся между собой по параметрам социального статуса и социального престижа. Социологи приводят весомые аргументы и в пользу веберовской методологии анализа социальных структур в обществах постсоветского типа.

- Если неомарксизм и структурный функционализм связаны с изучением процессов в относительно постоянной и устойчивой системе социокультурных координат, то веберовская методология ориентирована на переходное, неустойчивое общественное развитие.

- Концептуальный подход М. Вебера, концентрирующий внимание на социальной стратификации, связанной с рыночной активностью и с социальным престижем, позволяет выйти за рамки производственно-трудового процесса и сосредоточиться на реальных индивидуальных социальных агентах, деятельность которых в условиях резких социальных перемен создает новые структуры жизни.

Вместе с тем, следует, безусловно, иметь в виду то, что сама веберовская концепция также ограничена. Она рассчитана, прежде всего, на объяснение поведения социальных субъектов в условиях рынка и требует дополнительного анализа институциональных и социокультурных аспектов происходящей общественной трансформации.

В заключение можно отметить, что процессы социальной трансформации постсоветских обществ настолько исторически уникальны, что пока не появилось сколь-либо убедительной теории для их описания. Можно обратить внимание на те общие моменты процессов структурной трансформации, которые отмечаются социологами, исследующими постсоветские общества с позиции различных теоретических традиций:

- создание новой системы социальных отношений невозможно без укрепления социальной базы реформ, без формирования системы социальных интересов, адекватных потребностям социальной трансформации; без обеспечения социальных гарантий труда и достойного качества жизни; т.е. без адаптации населения к изменениям, связанным с переходом к рынку;

➤ важной теоретической и практической задачей социального развития постсоветских обществ является **нахождение баланса между рыночной эффективностью и социальной ориентацией, между принципами рынка и принципами социальной справедливости;**

➤ сложный и мучительный процесс социальных преобразований, переживаемых нами, свидетельствует, что развитие постсоветских обществ в условиях социальной трансформации поливариантно и оставляет открытыми различные пути развития. Какой из них будет реализован, в решающей степени зависит от деятельности и поведения реальных людей и социальных групп, действующих в радикально изменяющихся условиях жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Голенкова З.Т.** Динамика социоструктурной трансформации в России // Социологические исследования. – 1998. – № 10.
2. **Терещенко О.В., Сивуха С.В.** Социальная стратификация и социальная мобильность: основные понятия и подходы // Социология. – 1998. – № 4.
3. Социальные приоритеты и механизмы экономических преобразований в России (доклад ИЭ РАН) // Вопросы экономики. – 1998. – № 6.
4. **Морова А.П.** Инвестиции в человеческий капитал и социальную инфраструктуру // Социологические исследования. – 1998. – № 9.
5. **Пиирайнен Т., Турунцев Е.** Отталкиваясь от Макса Вебера: к пониманию процесса социальной трансформации в России // Вопросы экономики. – 1997. – № 7.
6. **Шахотько Л.П.** Структура домохозяйств в Минске // Социологические исследования. – 1998. – № 9.